

ПУТИ ДУХОВНОГО ВОСХОЖДЕНИЯ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА И А. ПЛАТОНОВА

Куликова Елена Алексеевна

учитель русского языка и литературы, ГБОУ «Белгородский инженерный юношеский лицей-интернат», РФ, г. Белгород

The paths of spiritual ascension of characters in the works of N.S. Leskov and A. Platonov

Elena Kulikova

teacher of Russian and literature, SFEI "The Belgorod engineering junior lyceum boarding school", Russia, Belgorod

Аннотация. Писатели Н.С. Лесков, А. Платонов являются создателями образов праведных людей. Цель статьи — проследить пути героев из таких произведений, как «Очарованный странник», «На краю света», «Запечатленный Ангел», «Юшка», и показать соответствие их жизни обычаям благочестия.

Abstract. Writers N.S. Leskov and A. Platonov are the creators of images of righteous people. The purpose of the article is to trace the ways of the characters from such works as "Enchanted Wanderer", "On the edge of the world", "The Sealed Angel", "Yushka", and to show compliance of their lives to customs of piety.

Ключевые слова: Иван Северьянович Флягин; Юшка; монашек Кирияк; обычаи благочестия; подвиг святости; духовное восхождение; А. Платонов; Н.С. Лесков; Памва безгневный; жизненные испытания; любовь к людям; самопожертвование.

Keywords: Ivan Severyanovich Flyagin; Yushka; conventual Kiriya; the customs of piety; the feat of holiness; the spiritual ascension; A. Platonov; N.S. Leskov; Peaceful Pamva; the trials of life; love to people; the self-sacrifice.

Начиная исследование темы «Подвиг святости. Обычаи благочестия в русской литературе», справимся у святых отцов о том, каковы же критерии благочестия.

«Благочестивая душа знает Бога – ибо быть благочестивым значит исполнять волю Божию, <...> т. е. когда кто старается быть независтливым, целомудренным, кротким, щедрым по силе, общительным, не склонным к словопрению», – учит преподобный Антоний Великий [1]. Петр Дамаскин обобщает понятие: «Благочестие не есть название одной какой-либо добродетели, но наименование всех заповедей...» [2] Симеон Новый Богослов уточняет: «Благочестие настоящее состоит не в том только, чтобы не делать зла, но чтобы и не помышлять о нем» [3].

Протоиерей Андрей Панков говорит о практической стороне проблемы: «Благочестие – это путь. Он не может быть коротким. А праведность – это финал пути. Благочестие возвращается в душе человека постепенно и с великими трудами» [4].

Как никто другой, умел создавать литературные образы праведников и благочестивых, стремящихся к Богу людей, Николай Семенович Лесков. Так писал о нём в своей статье «Н.С. Лесков» Максим Горький: «Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооружённый не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душой народа». После злого романа «На ножах» творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников» [5].

И сам Лесков говорит о том же в рассказе «Кадетский монастырь»: «У нас не переводились, да и не переведутся праведные» [6, 255].

Андрей Панков говорит: «Человек, не достигший праведности, но стремящийся к ней, может проводить жизнь достаточно благочестивую» [4].

Тернистый путь стяжания благочестия Иваном Северьяновичем Флягиным мастерски показан Н.С. Лесковым в повести «Очарованный странник».

Доктор филологических наук, профессор Андрей Михайлович Ранчин в статье «"Очарованный странник" Н.С. Лескова» пишет: «Герой повести, Иван Северьяныч Флягин, подобно покаявшемуся и преображенному грешнику, идет по миру от греха к покаянию, искуплению вины. <...> В конце повести Лесков дает прямую характеристику своему герою, подчеркивая кротость и сердечную мудрость, сближающую его с праведниками. <...> Характер Флягина многогранен. Его отличают детская наивность, простодушие и чувство собственного достоинства, способность тонко воспринимать красоту природы. Флягину присущи естественная доброта и даже готовность пожертвовать собой ради другого: он уходит в солдаты, освобождая от многолетней тяжелой службы молодого крестьянского парня. Но эти качества уживаются в его душе с некоторой черствостью, ограниченностью» [7].

Многие проступки тяготят душу, но, как это ни странно, монах, которого Флягин из озорства запер до смерти, является ему в видении без агрессии и ненависти. Герой, будучи уже иноком Измаилом, вспоминает: «А он так ласково звенит: "Пойдем, Иван, пойдем! тебе еще много надо терпеть, а потом достигнешь"» [8, гл. 4] Читатель не знает, чего достигнет этот человек, но мы видим его горение, боль за Отечество, слезный молитвенный подвиг: «Я исполнился страха за народ свой русский и начал молиться и всех других, кто ко мне к яме придет, стал со слезами увещать, молитесь, мол, о покорении под нозе царя нашего всякого врага и супостата, ибо близ есть нам всегубительство» [8, гл. 20]. История показала, что вовсе не смешен этот странный черноризец, и полувека не прошло, как пришла новая череда кровопролитий на русскую землю, одно страшнее другого. Инок-богатырь уже готов: «Мне за народ очень помереть хочется» [8, гл. 20].

Самопожертвование свойственно и тщедушному Юшке, герою рассказа Андрея Платоновича Платонова «Юшка». Этот герой как магнитом притягивал людей: для стариков и старух он был образцом трудолюбия, по нему время сверяли, а неразумные дети, не умея проявить любовь, пытались привлечь внимание бесстрастного человека шалостями: засыпали ему глаза мусором, «толкали, не понимая, почему он не поругает их, <...> как все большие люди делают» [9]. Им хотелось играть. «Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над

ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его», [9] – поясняет автор.

Без какой-либо видимой причины и взрослые мужики иногда били слабого, больного чахоткой человека. Читаем строки рассказа: «От кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его <...>, и в этом зле забывал на время свое горе. Юшка потом долго лежал в пыли на дороге» [9].

Однажды, услышав о себе от прохожего:

– Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер... , – в первый и последний раз в жизни «Юшка осерчал»:

– Чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя!..

– Как ты смеешь меня, самого меня с собой равнять, юрод негодный![9] – попыталось возвыситься ничтожное существо, найдя, как ему казалось, еще более ничтожного, Юшку.

Так не стало в этом селении при большой московской дороге истинного праведника Ефима Дмитриевича. Только после его смерти люди поняли, что потеряли: «К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку и потешался над ним и мучил его при жизни» [9] за то, что он не такой, как все.

Сил хватало жить этому человеку до тех пор, пока нужны были его непосильные труды для содержания и обучения сироты. Воспитанница его, получив диплом врача, и не дождавшись в это лето своего благодетеля в Москве, сама приехала его искать, но не застала в живых «с детства больного грудью» сорокалетнего «старика». «Дочь доброго Юшки», как стали называть ее все, встала на замену его, «стала работать в больнице для чахоточных», бескорыстно посещать дома, «где были туберкулезные больные <...> не утомляясь утешать страдание и отдалять смерть от ослабевших» [9]. Не стоит село без праведника.

Автор, утверждает, что не слабость, а любовь руководила Юшкой, говоря: «Без Юшки жить людям стало хуже. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство» [9].

Что перед нами? Вымысел автора? Но мы же знаем, как потешались при жизни над святой блаженной Ксенией Петербургской, не понимая ее подвига.

А вот строки из жития блаженного Симона Юрьевецкого (почил 4 ноября 1584 года после того, как был побит по приказу прогневавшегося воеводы Феодора Петелина). Это не «изящная словесность», а житие или, если кому-то так угодно, строки из биографии: «С юношеских лет, оставив родительский дом, принял на себя подвиг юродства Христа ради. Зимой и летом святой ходил босой, в одной льняной рубахе, так что кожа его почернела и от поста иссохла. Неразумные люди нередко били его, но блаженный кротко переносил все оскорбления и насмешки. За подвиг самоотречения блаженный Симон получил от Господа дары предвидения и чудотворения» [10]. Как это схоже с предыдущим сюжетом, но не все святые прославлены у людей.

В одиннадцатой главе повести «Запечатленный Ангел» Николая Семёновича Лескова [11] находим художественный образ праведника другого типа. Это смиренный монах Памва безгневный. Подвижничество его не вынужденное, а вольное: «на полу сделана скудная рогозина постелька, а в возглавии древесный кругляк соломкой прикрыт» [11, 158] – это для тела. Для смирения души – «суровый-пресуровый грубитель», [11, 158] – служба Мирон, который его и в келью не пускает, и толкает, и свечу не дает жечь, а Памва слушается беспрекословно, и отзывается о нем так: «Добрый человек, он блюдет меня» [11, 159]. Результат смирения — то, что преподобный Серафим Саровский называл стяжанием Духа Святого и что явил Иисус Христос своим ученикам на горе Фавор — Преображение плоти. Не

стал старец перечить грубому келейнику, задул свечу, Бог наградил его. Ночевавший в келье лесного скита странник Марк передает наблюдения: «Старичок все в своем гробе молится, и мне оттуда сквозь пазы тесин точно свет кажется, и видно, как он кланяется (Е.К. – светится сам вместо свечи)» [11, 160]. А после Марк делает заключение: «Согруби ему – он благословит, прибей его – он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!» [11, 162]

Словам Памвы: «Все (Е.К. – люди) пути Господнего ищут» [11, 161], – словно вторит старуха-странница в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние», которая говорит: «К чему дорога, если она не приводит к храму?» (Фильм вышел на экран в 1986 году, преемственность сохраняется).

Что же нам мешает быть, как эти герои? Лесков вложил ответ в уста Памвы: «Ангел в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...» [11, 164].

Суетные мешают.

Святитель Тихон Задонский предостерегает: «Благочестие ложное, когда внешнее исполняется, а внутреннее пренебрегается» [12].

Лесков поднимает проблему истинного и ложного благочестия. Тема «Запечатленного Ангела» – раскол русской нации из-за формальных разногласий, вызванных никоновской реформой.

«Вся Господня земля и благословенны вси живущие! <...> Все – уды единого тела Христова! Он всех соберет!» [11, 158] – так утверждает старец Памва, имея в виду раскольников-старообрядцев. Также и скромный монашек Кириак, а вслед за ним и епископ из повести Н.С. Лескова «На краю света» не стремятся тунгузов и якутов-язычников принуждать к крещению в православную веру, потому что увидели и поняли дикую незрелость в народах этих, в языке которых даже нет слов, способных передать отвлеченные понятия; вначале следует развить их и научить, а только потом крестить, «водоносы по очереди наполняются» [13, 513], ибо писано, что «будут и крещенные, которые услышат "не вем вас", и некрещенные, которые от дел совести оправдятся и внидут, яко хранившие правду и истину» [13, 467].

Какие дела совести некрещенных явлены были миссионерам?

Архиерей, решив «пробежать самому пустыню», берет в спутники Кириака. Они, попав в пургу, теряются. Проводник монаха – крещеный «дикарь» – убегает, забрав продукты и надеясь: «Попа встречу – он меня простит». Возница архиерея – язычник, но поступки его заслужили такой оценки епископа: «Скудно слово его, но зато <...> – оно искра в движении его сердца. <...> Он покинул свой треух и бежал сутки в ледяной шапке, конечно, движимый не одним естественным чувством сострадания ко мне, а имея также religio, – дорожа воссоединением с тем хозяином, "который сверху смотрит" <...> мой спящий избавитель представлялся мне очарованным могучим сказочным богатырем. Я пригнулся к нему и стал его рассматривать, словно никогда его до сей поры не видел, и что я скажу вам? – он мне показался прекрасен» [13, 509]. А ведь первое впечатление владыки было резко противоположным (кто читал повесть, помнит это).

Проводник, которому автор даже имени не дает, уходил искать пищу для оголодавшего архиерея, несмотря на то, что тот ранее грозился причинить ему многие неприятности.

Дикарь, чаще всего в повести его называют именно так, найдя юрту и не дождавшись хозяев, берет тут медвежатину и спешит скорее назад, чтобы спасти епископа от голода. Он оставляет хозяевам свой головной убор. Вернувшись, на вопрос владыки «зачем» объясняет свой поступок так:

- Чтобы он дурно, бачка, не думал.
- Да ведь тебя этот хозяин не знает.
- Этот, бачка, не знает, а другой знает.

- Который другой?
- А тот хозяин, который сверху смотрит.
- Гм! Который сверху смотрит?..
- Да, бачка, как же: ведь он, бачка, все видит.
- Ну, брат, <...> однако и ты от царства небесного недалеко ходишь, – подумал владыка.

И тогда же понял, имея в виду крещение: «Не мне ставить в колоды ноги его и преследовать его стези, когда Сам Сый написал перстом своим закон любви в сердце его» [13, 507].

Н.С. Лесков придает образу этому не только черты прекрасного богатыря и героя, но и ореол святости, как, впрочем, и умершему от гангрены Кириаку.

Архиерей, описывая видение возвращающегося спасителя, с одной стороны, представляет его в ангельском образе, а с другой, передает ассоциацию замерзших, заполненных снегом вздыбленных от бега волос этого человека с нимбом в иконографии такими словами: «Ко мне плыла крылатая гигантская фигура, которая вся с головы до пят была облечена в хитон серебряной парчи и вся искрилась; на голове огромнейший, казалось, чуть ли не в сажень вышины, убор, который горел, как будто весь сплошь усыпан был бриллиантами или точно это цельная бриллиантовая митра...» [13, 505].

Иеромонах Кириак, умирая в муках, не только умолял не преследовать бросившего его крещеного инородца, простить, но также «и молился – за всех дерзал: «Всех <...> благослови, а то не отпущу Тебя!» [13, 512]

Рассказчик заканчивает повествование о вселюбящем монашке в духе поэзии Феодора Тютчева: «С сими словами потянулся он – точно поволокся за Христовою ризою, – и улетел... Так мне и до сих пор представляется, что он все держится, висит и носится за ним, прося: "благослови всех, а то не отстану". Дерзкий старичок этот своего, пожалуй, допросится» [13, 512].

По воле епископа на могиле старца Кириака был поставлен большой крест, у которого массово крестились туземцы, привлеченные примером истинного благочестия и святости. Об этом в повести сам владыка рассказывает так: «Приезжает раз ко мне один миссионер и говорит, что он напал на кочевье в том месте, где я зарыл моего Кириака, и там, у ручья, целую толпу окрестил в “Кириакова бога”, как крестился некогда человек во имя “бога Иустинова”. Добрый народ у костей доброго старца возлюбил и понял Бога, сотворившего сего добряка, и сам захотел служить Богу, создавшему такое душевное “изящество”» [13, 515].

В своей бескорыстной жертвенной любви Кириак уподобляется Спасителю, о Котором поэт Ф. Тютчев, «глубоко веровавший в правду слов своих, возвестил»: «Удрученный ношей крестной Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь Небесный Исходил благословляя». Исследователь В.Н. СУЗИ в научной работе «Христос в поэзии Ф.И. Тютчева» [14] утверждает: «Действие в стихотворении («Эти бедные селенья...» – Е.К.) разворачивается во времени религиозно-поэтического мифа, освящающего мир. <...> Физическое время предстает остановленным мгновением, перетекает в поэтическую вечность, возводится в метафизическую категорию. Эти особенности тютчевской поэтики определяются сюжетом стихотворения, восходящим через народные легенды к Писанию. Профанный трагизм сменяется драмой Искупления».

Классические русские писатели оставили потомкам как богатое наследство представление о подвиге святости, об обычаях благочестия.

Список литературы:

1. Добротолюбие. Том 1. Наставление 151. - <http://orthodox.etel.ru/2001/19/nrav.htm>.
2. Преподобный Петр Дамаскин. Творения. Слово 4. О благочестии. - http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/petr_damask/txt11.html.
3. Сокровищница духовной мудрости. Благочестие. прп. Симеон Новый Богослов, 75, 562. - <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/sokrovishhnica-duhovnoj-mudrosti/txt30.html>.
4. Благочестие. Протоиерей Андрей Панков. - <https://azbyka.ru/blagochestie#toc1>.
5. Сайт «Литература и жизнь». - http://dugward.ru/library/leskov/gorkiy_leskov.html.
6. Николай Семенович Лесков. Избранные произведения. Том 2. Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1952, с. 255.
7. Ранчин А.М. Николай Семенович Лесков. Журнал «Виноград». Часть 2, 2008. № 3 (23).
8. Н.С. Лесков. Очарованный странник. <https://ilibrary.ru/text/15/p.4/index.html>.
9. Здесь и далее: Андрей Платонов. ЮШКА. - <https://ilibrary.ru/text/1192/p.1/index.html>.
10. Православный календарь. <https://days.pravoslavie.ru/Life/life6849.htm>.
11. Николай Семёнович Лесков. Избранные сочинения. - М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
12. Святитель Тихон Задонский. <https://azbyka.ru/blagochestie>.
13. Николай Семенович Лесков. Собрание сочинений, Том 5. Гос. изд-во Худож. лит-ры, 1957.
14. Н. Сузи. ХРИСТОС В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristos-v-poezii-f-i-tyutcheva>.